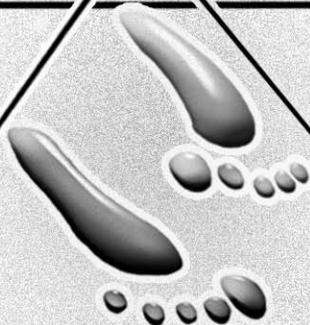

**Владимир
РУДАК**
г. Петрозаводск

*Жизнь — машина без топливного датчика,
никогда не знаешь, в какой момент закончится бензин.*

МАТЧНЫЕ ПЯТНИКИ

рассказы

Казалось, что тонкие пальцы девушки, заполнявшей гарантийный талон, просвечивают на внезапно появившемся в торговом павильоне солнце. Крохотный бриллиант на ее матовом золотом кольце задорно постреливал зайчиками по остекленным стеллажам с грудями аксессуаров. Я только что купил зеркальный фотоаппарат с увесистым объективом. Уложив технику в рюкзак, вышел на улицу. Через витрину посмотрел на девушку. Она стояла, склонившись над прилавком, заполняя очередной гарантийный талон. Мне хотелось, чтобы она посмотрела в мою сторону. Просто так. Какими-нибудь там глазами. Зелеными, серыми, хоть желтыми. Этого не случилось. Я подышал на стекло витрины и нарисовал смайл. Душа подплясывала от радости, которую разжег процесс воплощения давних мечтаний в реальность, поэтому ботинок было не жаль, я решил пойти пешком. Я им так и сказал, чтобы они не особо-то жаловались на слякоть. Ботинки промолчали. Они с утра были не в духе.

Вы заходите в магазин, выбираете необходимую вещь. Платите человеку в кассе деньги, которые каким-то образом где-то зарабатываете, что дает вам право беспрепятственно покинуть территорию магазина, наслаждаясь за его пределами приобретением. Особенным образом устроен человек. Его душа способна получать неистовое удовольствие от предметов, которые она не может ни пощупать, ни понюхать, а уж тем более куда-то там забрать. Может, это извращение? Ведь душа не принадлежит этому миру. Она должна наслаждаться чем-то эфемерным, а не пластиковыми и металлическими изделиями. Душе нужны наши руки, ноги, нос, глаза, чтобы быть полноправным членом общества. Легко сказать, что у человека красивая душа, но вот каким образом проверить, так ли это? С телом все понятно. Определить его состоятельность не составляет особой сложности. А вот то, что внутри? Красота души определяется внешними проявлениями тела. Куда оно ходит, что говорит и делает. Говорят, она вечная. Я, временный человек, могу влиять на постоянную ду-

шу! Приятно осознавать, что вселенная какое-то время находится в зависимости от моих действий. Душа — это светлое дитя вселенной, вдруг сорвавшееся драгоценным камнем с бархатного небесного покрывала на землю, где в мгновение ока она оказывается в плену человеческого тела, которое издает непотребные звуки и обрастает волосатым покрывалом. Люди стоят истуканами с открытыми ртами, в ожидании того, что в них свалится душа. Когда выпадает такое счастье, они, выпучив глаза и вильнув скользким хвостом, тут же скрываются в темных глубинах своих пороков.

Как я оказался в клубе любителей макраме — история отдельная, которая практически не поддается логическим исчислениям. В какой-то момент я осознал, что круг моих знакомых рассыпался, как песочное печенье в руках пациента, страдающего болезнью Паркинсона. Моя работа свела к минимуму общение с внешним миром, мне не надо было идти за чем-то туда, где присутствовали люди. Мне нужна была некая реабилитация. Реанимация чувств и энергетическая подпитка. Я охотно черпал ее в постижении тайн узелкового плетения. Руководитель кружка макраме Анна Альбертовна рассказала мне, что некогда вязание узлов подвергалось строгому осуждению у многих народов. Римским сенаторам запрещалось иметь на одежде хотя бы один узелок, а на Руси вязание узлов приравнивалось к колдовству. Мне было приятно осознавать свою причастность к этому древнему и мистическому занятию. Она благодарила меня за помощь в создании цветного каталога для демонстрации зарубежным партнерам. Хвалила мои поделки. Норвежский центр рукоделия собирался провести весеннюю ярмарку в Осло, куда хотели пригласить участников нашего клуба вместе со своими работами. Я тоже состоял в списке, чем несказанно гордился. Анна Альбертовна была доброй женщиной. Всем желала процветания, здоровья и финансового благополучия. Тщательно копила деньги на поездку в Америку на могилу Курта Кобейна. Ее сын выбросился из окна, после того как где-то там за океаном прозвучал тот самый выстрел. Говорят, что несколько пирамидок пепла Курта хранятся в

одном из буддийских монастырей. Возможно, это некое романтическое преувеличение.

Зачем мне второй фотоаппарат? Ни к чему. Спросите об этом мою душу. Это она меня подтолкнула к этому. Я скрыл один факт. Когда я стоял у прилавка, в тот самый момент блистания бриллианта, в затылок мне дышал какой-то мужик, не переставая бубнить, что сейчас каждый придурок норовит стать фотографом. Мол, купят себе зеркалку, а потом, раскрыв рот, все подряд шелкают, не давая себе отчета, что фотография — это искусство. Нельзя, купив краски и мольберт, в мгновение ока стать настоящим художником. Посмотрите на работы Анри Картье-Брессона, Вильяма Эгглестона или Ральфа Гибсона, чтобы хотя бы на шагок приблизиться к великим. Вы поймете, что нельзя размениваться по мелочам. Вот я, продолжал бубнить он, с детства занимался фотографией. Как мои родители. Папа и мама. Разводили реактивы, включали красную лампу, цепляли прищепками снимки к бельевой веревке. Пока я укладывал коробку в рюкзак, он рассказывал какой-то девушке, как много времени его родители посвящали этому великому делу, чтобы добиться настоящего успеха, а не тешить свое самолюбие накоплением лайков и комментариев друзей из социальных сетей. Он, можно сказать, вырос в проявочной комнате, согреваемый магическим светом красного фонаря. Я повернулся и посмотрел на него. Он, нагло ухмыльнувшись, сказал: — Что смотрим-то?

Мужик был крупный, лохматый и бородатый. Смахивал на Сергея Довлатова. Только последний был талантливый, а этот — самовлюбленный бездарь.

Признаюсь вам, что я плохой человек и у меня обманчивая внешность, которая неоднократно многих вводила в заблуждение. Люди привыкли оценивать друг друга по экстерьеру, несмотря на то что часто из-за этого страдают. Конечно, человек ниже среднего роста, с густой бородой и в стоптанных ботинках не может оказаться ведущим баскетболистом высшей лиги, но бывают непредсказуемые исключения. Моя

душа — как пчела, залетевшая в распахнутое окно чужого дома. Упрямо бьется в стекло, пытаясь найти обратный путь в сверкающий мир, нещадно жая руку, которая пыгается ей помочь. В тот момент, когда уличный банкомат скупно выдавал купюры, я заметил боковым зрением мнимого Сергея Довлатова. Он неспешно шел в сопровождении той самой девушки, что с трепетом выслушивала его ностальгические излияния о предках-фотографах. Я подождал, пока они не поравнялись со мной, повернулся и нанес резкий удар кулаком мужику в область печени. Великий фотограф охотно согнулся, схватившись за живот, его зимняя шапка упала на мокрую землю дохлым кроликом. Девушка молча прижалась к стене, пялясь на меня как на чудовище из кинотеатра 3D. Ботинки требовали продолжения, поэтому мне пришлось ударить мужика еще раз. Уже ногой. Он тяжело охнул, повалился на землю к своей шапке, выдавливая из себя запоздалые извинения каким-то скулящим голосом, совершенно не похожим на тот бойкий нравоучительный тенорок, что разлетался эхом по просторному торговому залу. Во внутреннем кармане куртки настойчиво затолкался виброзвонок мобильный телефон. Анна Альбертовна сообщила, что деньги накоплены, она улетает в Америку, поэтому хотела бы попрощаться со мной по-человечески. Лично, а не звонками, сообщениями или электронными письмами. Нельзя менять душевную связь на сотовую. Грустным и одиноким голосом она попросила меня купить по дороге два пакета мятных пряников. Это было любимое лакомство ее сына. Она собиралась отвезти его Курту Кобейну.

Тестом фотоаппарата я остался доволен, он полностью оправдал мои надежды и подтвердил наличие всех достоинств, указанных производителем. При желании можно найти место критическим замечаниям, но, на мой взгляд, не стоит портить себе настроение мелкими недоделками. Надо понимать, что это маркетинговые штучки. У потребителя всегда должна быть надежда на то, что следующая модель будет более совершенной. Как и у тех, кто верит в реинкарнацию.

Кибернетика

В светлом и просторном кабинете за столом друг напротив друга сидели врач с толстой седоватой косой и медсестра с шустрыми зрачками. Казалось, они не заметили, как вошел Илья Николаевич Маховский, продолжая обсуждать вчерашний телевизионный концерт. Обе пребывали в восторге, нахваливая на все лады мнимые достоинства невесты откуда взявшейся сверхновой звезды. Врачебная коса лежала на спине мертвым удавом, вцепившимся железной хваткой в затылок. Илья Николаевич присел на стул и стал блуждающим взглядом осматривать стены, увешанные плакатами с изображениями человеческих органов дружелюбно розового цвета. На картинке они выглядели более привлекательно, нежели в настоящей жизни. Он знал. Он видел. Вообще на картинках все всегда выглядит приличнее действительности. Можно ли считать это ложью? К примеру, красочные истории, в которых принимают участие милые лесные зверушки. Они говорят человеческим языком, да и мысли и дела у них всегда были слишком человеческие. Все дети когда-нибудь понимают, что это всего лишь сказка, которая способствует развитию абстрактного мышления и служит нравственным поучением. Помогает разобраться ребенку в том, как правильно дружить и быть добрым. Правда, несмотря на то что все проходят через одни и те же сказочные истории, каждый из них выносит нечто свое. Порой непредсказуемое, таинственным образом трансформированное в собственное понимание и представление происходящего. Каждый выбирает своего героя. Кто-то Илью Муромца, а кто-то Кошечку или Змея Горыныча. Маленького Илью всегда огорчала ложь, даже в ее малейшем проявлении. Хотя во спасение, хоть во что. Он не раз испытал на собственной шкуре, как радужные иллюзии оборачиваются мрачной реальностью, которая давит почерневшим небом, выхолаживая душу, как метель заброшенный дом. Особенно после того, как сорвавшийся с поводка бульдог вместо милой беседы прокусил ему ногу до самой кости своими кривыми и желтыми клыками. Пенная морда пса с вытаращенными и налитыми кровавой яростью глазами преследует его по сей день.

Медицинские кабинеты всегда таят в себе страшную ложь. Хромированные кастрюльки, шкафы с невиданными инструментами и пузырьки с лекарствами не внушают доверия ни на секунду. Все беседы с людьми в белых халатах рано или поздно заканчиваются какой-нибудь жуткой процедурой, проводимой на операционном столе. Наверняка вы замечали, как приятно покидать лечебные заведения, когда у вас не обнаружены никаких отклонений, заболеваний и прочих мрачных перспектив, связанных с потерей здоровья. При таких обстоятельствах хочется хорошенько отблагодарить врача. Подарить ему что-нибудь ценное, вкусное или полезное. В общем, выразить свою признательность доктору, несмотря на то что он просто делает свою работу. Так же как и водитель троллейбуса. Он открывает дверь, вы входите в салон и едете до нужной вам остановки. Смотрите в окно на людей, машины и дома. В этом случае у вас почему-то не возникает желания подарить ему банку норвежской сельди или бутылку шотландского виски.

Вы идете по коридору, радость накручивается с каждой секундой, хочется чем-то поддержать людей с грустными лицами. Сказать им что-то утешительное, может быть, потрепать кого-то дружески по плечу и сказать, что по своей сути туберкулез — это не так-то уж и страшно. Медицина скакнула далеко вперед, как резвая жаба. Вы жуете ароматную конфетку, мечтаете вымыть руки и сбросить с себя одежду, которая, как вам кажется, пропиталась лекарственными ароматами. Но при контакте с посетителями поликлиники есть риск подхватить какую-нибудь заразу. Мир переполнен полуграмотными в гигиеническом плане людьми, многие из которых даже не подозревают, что являются носителями какого-либо инфекционного заболевания. Так что лучше поприветствовать при себе все эти жесты доброй воли. Вы приказываете заткнуться предательскому голосу, тонко и саркастично напевающему о том, что когда-нибудь вам все равно придется сюда вернуться и сдать на милость врачам. Вы так же, как и многие бедняги, будете сидеть на неудобном стуле, а в больнице все стулья и диваны неудобны, в ожидании очередного приговора. Откроется ненавистная дверь, ведущая в царство страданий, вас позовут, и вы покорно ступите за порог, за черту, линию судьбы. Мож-

но есть кашу, смотреть телевизионное шоу, шуршать фантиками от конфет, радоваться забавам рыжего/серого/черного котенка в то время, когда внутри вас расцветает нечто страшное и непокорное. Разумное и дерзкое духом. Неуживчивое и непримиримое. Что невозможно остановить ни дипломами, ни высшими образованиями, ни всеми вместе взятыми мировыми светилами, пусть даже они соберутся на шотландских бологах в балахонах с целью проведения исцеляющего шабаша под отдающиеся в груди низкие звуки магических бубнов. Их пляски вокруг двухметрового костра не спасут даже мышь от пищевой аллергии, что уж там говорить.

Бульдога Илья забил до смерти. Конечно, времени прошло много, злобная псина постарела, стала не такой опасной, да и поди совсем забыла о его существовании. Заточенная кочерга входила в собачье тело, будто в залежавшуюся на солнцепеке тыкву. Легко и безупречно. Она и пикнуть не успела. Он не из тех живодедов, которым подобные процедуры доставляют удовольствие. Для него это все равно что тяжкий труд по восстановлению справедливости. Он даже не пожалел времени и закопал бывшего врага в заросшем бурьяном огороде возле брошенного дома. Когда хозяин вернулся и обнаружил пропажу собаки, то решил, что старый пес ушел помирать, чтобы его не расстраивать. Он сначала побродил по окрестностям, пройдя несколько раз мимо огорода, а потом просидел на крыльце до утренней зари, курил сигареты, шурился в забор, вспоминая жизненные фрагменты, вызывающие приливы теплой радости в душе. Как будто кто-то там внутри высекал огнем волшебные искры.

— Вы что-то хотели? — медсестра бойко зашарила глазками по Илье.

— У нас обед. Нюра, поставь чайник, — врач поправила «удава» и начала демонстративно вынимать из черной кожаной сумки пластиковые контейнеры с едой.

— Время идет, и его не остановить, вот в чем беда. У вас там котлеты в фольге завернуты? У меня жена так же делает. Кибернетика, — Илья улыбнулся.

— Это к делу не имеет отношения. Подождите в коридоре. Мы вас пригласим, когда придет время, — голос доктора был посторонним, безучаст-

ным, чужим, как голос из привокзального репродуктора. Механически чеканящим слова, лишённые жизненной силы, будто пулемет, выбрасывающий пустые гильзы с дымком. Если вы пожалуетесь женщине из репродуктора, что у вас болит желудок или голова, то она не обратит на это никакого внимания, будет продолжать талдычить мертвые слова про станции.

— Вот! — Илья приободрился, — когда придет время. Оно находится в постоянном движении, поэтому не может никуда прийти. Оно не фиксируется, как его ни уговаривай. Кибернетика.

— Это уже не имеет никакого отношения к делу, — врач начала разворачивать фольгу. Вернее, она искала то место, где находился край, чтобы не рвать обертку, которая может пригодиться в следующий раз. Как он ее понимает. Он тоже так делает. Аккуратно разворачивает фольгу, затем складывает ее в несколько слоев, как лист бумаги, а не сжимает торопливо в кулаке. В трапезе все должно быть чинно и смиренно, с достоинством. Самураи говорят, что каждое движение человека должно быть совершенным, безупречным. И это верно. Если начать жить по такому принципу, то постепенно не останется места лукавой суете, которая подгоняет вас, обманывая перспективами, заставляя проживать каждый настоящий момент, думая о следующем. Вы как голодная собака проглатываете кусок горячего мяса, не жуя, чтобы тут же получить следующий. Бегаєте по кругу. Похоже, собачья тема сегодня крайне популярна.

— Простите, а при чем здесь кибернетика? — медсестра открыла крышку пластикового контейнера, запах капустного салата вырвался из плена, мгновенно наполнив помещение тягостным духом.

— Стоит начать с того, что вся человеческая жизнь состоит из набора цифр. Все сосчитано до самых мелочей. Только задумайтесь над тем, что определенное количество раз вы будете вынимать свои обеды из сумок, произнесете определенное количество слов, в туалет ходите сколько-то там раз. Все, что вы делаете, будет когда-то в последний раз. Даже то, чему вы совсем не уделяете внимания.

— Понятно, — сказала медсестра, — а как быть с кибернетикой, она ко всему этому какое имеет отношение?

— У веб-дизайнеров есть такое понятие, как закрывающие тэги, которые ставятся в конце кода. Так вот в моем случае таким тэгом является слово кибернетика. Вот и вся арифметика.

Врачу с «удавом» на спине явно не понравилось то, что Илья начал делиться своими псевдонаучными размышлениями. Это могло затянуться надолго, а ей хотелось сесть и в спокойной обстановке пообедать, чтобы никто из посторонних не вмешивался в это священное для нее действие. Она не любила публично принимать пищу. На ее верхней губе начинала шевелиться большая родинка, которая тут же привлекала внимание посторонних. Врач недовольно повела плечами. Зачем-то стала рыться в сумке. Потом все-таки решила поставить точку в беседе. Пациенты в своем большинстве занудливые и эгоистичные типы. Им интересно только то, что связано с их здоровьем. Живут, не заботясь об организме, а потом, когда он дает сбой, начинают во всем винить врачей. Еще ей хотелось подтянуть трусы и почесать спину специальной чесалкой между лопатками, которая висела на гвоздике за шкафом.

— Как вас зовут? — доктор попыталась скрыть раздражение.

— Илья Николаевич Маховский.

— Замечательно. Илья Николаевич, подождите в коридоре, пока мы пообедаем.

— А что именно замечательно?

— В каком смысле?

— Ну, вы спросили, как меня зовут. Я вам ответил, что Илья Николаевич Маховский, а вы сказали замечательно. Что замечательно?

— Что вас зовут Илья Николаевич Маховский. Так, давайте уже положим этому конец, — доктор повысила голос.

— То есть если бы меня звали как-то по-другому, то это могло быть не замечательно, так?

— Игорь Николаевич, я вас провожу, — медсестра натянуто улыбнулась.

— Илья Николаевич Маховский меня зовут. Илья, а не Игорь. Илья! Кибернетика!

— Идиотизм какой-то! — доктор хлопнула по столу рукой. — Вам же сказали выйти в коридор, что тут непонятного? Что? Какая может быть к черту кибернетика, не несите чушь собачью!

— Ах, значит, чушь собачью, — Илья Николаевич ловко достал из сумки кочергу с блестящим отточенным наконечником...

Ангельские рожицы

*Страшно что-то менять,
а вдруг ничего не получится?*

Озарение пришло к Юрию в тот самый момент, когда он стряхивал с дивана крошки от сырных чипсов на протертый коврик под ногами. Что-то падало в мохнатые тапки, что-то застревало в складках спортивных штанов. «Потом пылесосом уберу», — врал он сам себе. Глядя на выцветший узор половика, который был в доме с самого его рождения, он вдруг понял, что жизнь лишена всякого смысла. Даже комар рожден с предопределенной миссией, которую яростно стремится исполнить — нажраться крови и сидеть на стене или потолке, тяжело вздыхая красным пузырем брюха. Нет, Юра, конечно, тоже выполняет набор действий, которые, как роботы, делают все люди. Но во всем этом отчаянно не хватает жирных красок и настоящих эмоций. Все пустое, ненадежное и дешевенькое, как примитивный сувенир, выструганный гвинейской старухой из сухой деревяшки для обмена на масло или рис у иностранных моряков. Удивительным образом ничемные в одном уголке мира вещи превращаются в шедевр на другом конце света. Их художественная ценность напрямую зависит от километража, отделяющего точку изготовления от точки реализации.

Он вовсе не мечтал о таком некорректном воплощении своего будущего. Ползая по полу, засовывая в слюнявый рот пухлый кулачок, он все видел по-другому своими глубокими карими глазами, которые уже тогда всем казались преисполненными мудрости. Отчего-то отчаянно заливался заразительным, будто игрушечным смехом. Взрослым казалось, что это они веселили его, улюлюкая и подкидывая на руках, потряхивая перед его носом погремушками. На самом деле говорят, пока ребенок совсем маленький и в его мозг еще не инсталлирован пакет стандартных программ, разработанных человечеством, он видит окружающих его ангелов и смеется, потому что это они его развлекают, а не все эти странные люди с

притворными голосами. В юности будущее виделось неким веселящим туманом, за которым скрывается уютный зеленый островок, омываемый теплыми водами, с исключительно счастливым бытом. Неиспиваемая чаша радости, да и только. Время шло, туман рассеивался, но, кроме серого пейзажа, как за окном бабушки, которая жила на застроенной промышленными комплексами окраине, — ничего. Здесь прошли детство и юность. Качели из изношенной автомобильной покрышки, газеты, вымоченные в селитре, для бомбочек, футбол с резиновым мячом на пустыре, железнодорожный тупик. Как символ безысходности, смысл которого открылся только сейчас. Жизнь, как троллейбус, ходит по кругу, пока однажды навсегда не застрянет в депо, где невеселые люди в темных комбинезонах демонтируют его и отправят в утиль. На смену придут новые усовершенствованные модели, не знающие огорчений. Юре мерещилось, что он — дряхлый троллейбус, он видел неговорящие паспортного типа лица людей, которые, медленно раскачивая увесистыми гаечными ключами, двигались в его сторону. Он кричал, что все это неправда. Он старая модель, такие уже не выпускают, но он еще может показать класс новеньким. Да, у него устаревшие округлые формы. Но ведь всем известно, что мода делает круг, а порой и не один, чтобы победоносно вернуться. Потерпите. Что вы так нервничаете? Позовите главного инженера! Пусть он немедленно отменит демонтаж меня! Главный инженер стоял там, на втором этаже. За мутным, как тот самый туман, скрывающий будущее, стеклом в своем кабинете. И молчал. У него есть (Юра в курсе) на столе аппарат для громкой связи. Он мог бы нажать кнопку и громогласно все отменить. Торжественно объявить, мол, ребята, все отменяется, этот парень нам еще пригодится. Главный инженер был непреклонен. Юра-троллейбус знал, что когда-нибудь инженера тоже демонтируют. Обязательно. Без этого нет прогресса. Нет. Каждый день, как говорят ученые, на земле исчезает как минимум один вид кого-то или чего-то. Ну там, растение, животное или насекомое. Но зато появляется новое коварное за-

болевание. Или старое мутирует в более совершенную форму, или рождается новый вирус. Ученые упорно борются с ним и втайне восхищаются его стойкостью.

Юра смотрел в половик, куда-то в глубь спиралевидного узора, и его как будто стало затягивать внутрь. Что же это такое, думал он, мой половик полон чудес, я сейчас окажусь, как девочка Алиса, в другом измерении? Ощущения стали микшироваться. То его охватывала эйфория и он расплывался в блаженной улыбке, то вдруг накатывала тошнота, как после глубокого наркоза. Лена бы не пережила такого, промелькнула мысль. Попробуй-ка он замарай свой же собственный ковер своей же собственной блевотиной. Да она изведется вся. Хотя не факт. Последнее время Лена сидит на транквилизаторах, и многие ранее вызывавшие бурную реакцию вещи стали ей абсолютно безразличны. Пожалуй, она менее энергична, чем выброшенный на берег дохлый нарвал. Тупой дохлый нарвал валяется брюхом кверху и бессмысленно пялится в небо, которого уже не видит! Так будет с каждым. Смотрите чаще в небо, ведь оно останется после вас неизменным. Каждый день жизнь от вас потихоньку отщипывает, отклеивает, как безобидный воробушек от буханки. Вроде бы и незаметно, а глядишь, зубов стало меньше и волосы реже. И вот остается только маленькая горбушка, ведь воробушек назойлив, он всегда рядом, даже когда вы спите.

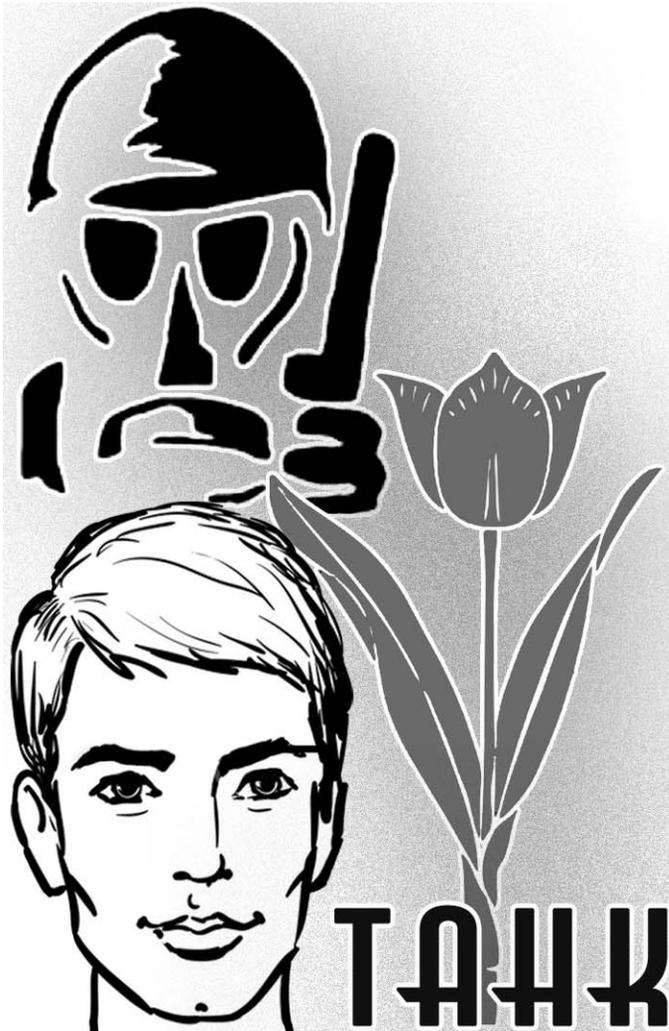
Юра посмотрел на фанерное сердце, висящее на стене. Подарок приятеля Лехи. Свадебная фотография с золотистой подписью «Юра + Лена = ЛЮБОВЬ» в пошлой, отделанной искусственным розовым мехом рамке. Немой укор истлевшим отношениям. Они с Леной докатились до того, что спят в разных комнатах. И обоим это устраивает, даже как будто постреливает тихая радость в груди от осознания того, что не придется ложиться в одну постель. У каждого свой телевизор и свои каналы. Своя полка под продукты в холодильнике и свое меню. И как так вышло, уже не проанализировать. Можно было бы

обратиться к психоаналитику. Жил один такой за стенкой, пока не утонул на рыбалке. Вежлив, учтив, но бывало, что его жена покрикивала неестественным голосом. Если уж говорить начистоту, то придется упомянуть о том, что Юра после выпитого пива написал в пластиковую двухлитровую бутылку от ароматизированной газировки с привлекательной, по-летнему яркой наклейкой, на которой стояли кучкой веселые люди в ярких одеждах и солнечных очках. Поставил за диван и забыл о ее существовании. А потом пришла мама Лены. Затеяла уборку и нашла эту бутылку. Более того, она решила, что это лимонад. Естественно, Лена обвинила Юру в том, что он это сделал специально. Юра попытался ей объяснить, что всему виной Кубок УЕФА. Он боялся пропустить хотя бы минуту игры, поэтому воспользовался бутылкой. Забыл о ней, потому что полностью погрузился в происходящее на футбольном поле. Лена не прониклась. Она сказала: кто бы поверил, что это один и тот же человек. Тот, который провожал меня из школы, нес мой ранец и рассказывал про планеты, и тот, который наполняет бутылки мочой. Юра не выдержал:

— Сука, отвали от меня!!!

— Вот именно эта надпись должна быть под фотографией. — Лена ткнула пальцем в отороченный псевдомехом снимок.

Что там творится в твоём сердце? Что рывкает его на части? Улыбаешься, пылая изнутри. Подобно выгоревшему от удара молнией дереву стоишь на ветру и ничего не чувствуешь... ничего... и листья не растут на тебе. Лишь иногда присаживаются вороны, чтобы долбануть раз-другой клювом. Где же ангелы детства, почему не прилетают? Ведь так хочется снова заливаться смехом до икоты, глядя на то, как они корчат смешные рожицы... Юра исчез, увлекаемый вытканной на ковре спиралью бездны...

По дороге домой Фенимору какая-то женщина подарила желтый тюльпан. Она одернула его за рукав, протянула цветок и сказала, что он волшебный, а ее зовут Виктория Самуиловна Дерзкая. Из дерматиновой сумки женщины торчал завернутый в прозрачный полиэтиленовый пакет батон черного хлеба с надкусанной горбушкой. Крупной вязки фиолетовая шапка, чуть великоватое малиновое пальто и очки с дымчатыми стеклами, за которыми едва уловимо мелькали беспокойные глаза. Своим медицинским цветом линзы напоминали Фене громоздкую пепельницу его тетки, в которой та неистово гасила дымящиеся окурки. После каждой выкуренной папиросы

бы бывшая балерина с прямой, как днище плоскодонки, спиной давала себе слово, что больше не притронется к ним никогда, но спустя уже каких-то двадцать минут ее окаменевшее сердце становилось мягче перезрелого помидора. Она потихоньку, как бы невзначай, подкрадывалась рукой к пачке с надорванным краем, из которого призывно выглядывали гильзы, маня темнотой своего нутра. Врачи ошибаются, люди курят не легкими, а сердцем, которому постоянно требуется какого-либо рода утешение. Это может быть что угодно. Подруга тетки ходит кругами с лыжными палками по аллеям городского парка вдоль мутного пруда с цветущей водой.

Феня принял подарок, кивнул в знак благодарности и пошел дальше. Дерзкая осталась стоять посреди улицы, глядя ему вслед. Дома поставил цветок в стеклянную вазу и стал размышлять о том, что было бы неплохо согнуть тюльпан на расстоянии при помощи мысли. Сел на стул и попытался сосредоточиться на цветке. Ничего не выходило, потому что его вдруг одолели налетевшие саранчой срамные мысли. Вчера вечером перед сном он зачем-то включил телевизор. Синеватый свет, исходящий от экрана, подрагивая, залил комнату. Шел, казалось бы, совершенно безобидный фильм о двух интеллигентных женщинах сред-

них лет. Они мило беседовали, обсуждая различные жизненные несправедливости. Временами шутили, потягивали из высоких бокалов светлое вино, а потом вдруг начали жадно целоваться. Сон слетел как сорванное фокусником со стола покрывало. Такого развития событий Феня никак не ожидал. Ему почему-то стало себя неистово жалко. Лежит один под ватным одеялом в старых спортивных штанах и фланелевой рубашке, а там красивые женщины убажуют друг друга. Если разбираться по всем правилам, то это им должно быть стыдно за подобные действия, а не ему. Он же вполне нормальный человек. Обыкновенный простой мужчина, которому никаких излишек в жизни

не надо, он умеет довольствоваться тем, что у него есть. Ценит жизнь в любых ее проявлениях, за исключением подобных сцен. Зачем эти с виду приличные женщины позволяют себе такие выходки? Конечно, если говорить начистоту, то в этом действе есть что-то трогательное, как будто безобидное. С другой стороны, это нестандартное явление, которое должно быть незамедлительно предано осуждению общественности. Ругая телевидение и держа наготове пульт дистанционного управления, он все-таки дождался того момента, пока эти две особы не разделились полностью. Да, все верно, так он и думал. Упругие груди, тренированные загорелые тела и плоские животы с будоражащими сознание квадратиками. Феня зажмурился и представил, как он, сидя в большом танке, давит порочных женщин. Давит и давит. Как те самые окурки в пепельнице медицинского цвета. Наезжает и проворачивает, проворачивает танк, чтобы смешать их с землей. Психологи говорят, что подобные упражнения помогают в тех случаях, когда человеку необходимо избавиться от навязчивых раздумий. Но эти негодные женщины возникали вновь в его сознании, как будто не давили их нещадно гусеницами. Он пытался думать о чем-то другом, более человеческом. Всегда хотелось попробовать поработать секатором, а еще машинкой для стрижки газонов. Садовник — гуманитарная профессия. Машинка для стрижки газонов, машинка для стрижки газонов, секатор, повторял про себя Феня, но это не помогало. Он вспомнил, как Валентина Садовская, бухгалтер симпатичной внешности из его конторы, подвыпивши на вечеринке, спросила его при коллегах, нравится ли ему смотреть на то, как целуются женщины. Давняя история. Пора бы забыть. Но как? Человек не помнит, как появляется на свет, но помнит свое первое свидание. Особенно неудачное. А у Фени не было свиданий совсем, такое забыть невозможно даже при медикаментозном вмешательстве. Все кругом говорят, что женщин больше, чем мужчин. Где они? Если на то пошло, то и мух больше, чем павинов, но кому с того выгода?

Фенимор не любил пьяных женщин, они

становятся противнее лягух, извалянных в навозе. С ними совершенно не о чем разговаривать, а уж тем более каким-то образом контактировать физически. Садовская смотрела на него с неким торжественным пренебрежением. Так смотрят владельцы модных голых кошек на плешивых котов, таскающих кишки дохлых крыс по двору. Он знал, что она его крепко недолюбливает, но никак не мог понять за что. Он же ничего ей плохого не сделал. Но чувствовал нутром, как от нее исходит арктический холод, который схватывал на лету все его доброжелательные слова, адресованные ей. Они падали, разбиваясь о землю, так и не прозвучав. Он был несказанно рад, когда услышал, что она попала в больницу. Кто-то, возможно, не поверит, но у Фени поднялось настроение от накотившего чувства свершившейся справедливости. На какое-то время он даже почувствовал себя особенным. Ему показалось, что Садовская угодила в больницу, потому что он обладает особым даром — его нельзя обижать, иначе на обидчика нападет хворь или произойдет несчастный случай. Коллеги организовали сбор денег, чтобы хоть как-то помочь ей с обслуживанием. Санитары сейчас бесплатно горшки не выносят. Везде нужно приплакивать и приплачивать. Он без разговоров положил в коробку с фотографией улыбающейся Садовской пару приличных купюр, нисколько не сопереживая ее проблемам. Там, внутри коробки, хранится надежда, подпитываемая падающими в прорезь деньгами. Будь он жучком, живущим в этой коробке, то стал бы свидетелем того, что деньги действительно могут падать с неба. Но вряд ли жук может обладать таким интеллектом, поэтому если бы он был жуком, то просто был жуком. Когда-то Феня задавался вопросом, почему люди так боятся насекомых. Первая реакция — стряхнуть с себя даже самого безобидного паучка, не говоря уже о мохнатом тарантуле. Все дело в том, как сказали в одной передаче, что в давние времена насекомые обладали гигантскими размерами и ели людей. Позже, вследствие мутации, насекомые потеряли в весе и габаритах, но на генном уровне люди сохранили тот самый панический страх.

Он прекрасно понимал, что волшебных цветов не бывает. Но, как показывает мировая практика, во всех утверждениях имеется некий процент, пусть даже совсем нещадный, на поправку, что всякое бывает. С цветком могла выйти такая же история. Утром после завтрака Феня отправился в больницу к Садовской. Он не раздумывал и не анализировал. Просто взял три яблока, волшебный тюльпан и пошел на троллейбусную остановку.

Под ее кроватью лежало железное судно. Рядом с тумбочкой стояла капельница. Феня почему-то подумал о том, как неприятно усаживаться на холодный металл, чтобы справиться нужду. Еле шевеля потрескавшимися губами, Садовская поблагодарила его за визит и оказанную финансовую помощь. В ее глазах уже не было того недоброго огонька, что плясал в день разговоров о женских поцелуях. Фенимору хотелось намазать ее губы гигиенической помадой, чтобы избавить себя от ощущения, что старательно выщептываемые ею слова царапают ему душу. Он поставил на тумбочку волшебный тюльпан в обрезанной пластиковой бутылке с надеждой на то, что Виктория Самуиловна Дерзкая говорила правду. Вышел из больницы, обогнул высокие кусты и зашел за угол. Прижался спиной к нагретой солнцем

кирпичной стене, подставив лицо под свежий ветерок с озера. Забыл оставить пакет с яблоками, но возвращаться уже не стал. Оказалось, что стены дома, наполненного страдающими людьми, могут согреть. Все это может показаться излишней философией, но если вы не верите, то пойдите в солнечный день к девятнадцатой больнице и прижмитесь к восточной стене спиной.

Неподалеку компания молодых людей в ярких одеждах устроила фотосессию возле расписанных граффити гаражей. Они кривлялись на все лады, парни курили и ругались матом, а девушки повизгивали от восторга и тоже курили. Феня был недоволен тем, как фотографируются современные люди. Почему так получается, что все они хотят изобразить кого угодно, но только не себя. Показывают языки между двух растопыренных пальцев, подпрыгивают, надувают губы и корчат рожи. Феня закрыл глаза. Любимый танк отправился выполнять новое задание.

□

Владимир Иванович РУДАК

родился в 1968 году.

Прозаик, музыкант, кинорежиссер.

Публиковался в журналах «Север», «Новая юность»,

«Южная звезда», «Лампа и дымоход», «Carelia».

Автор книги «Вечный сахар» (2009).

*Рассказы и повести переведены
на финский и немецкий языки.*

Лауреат национальной премии имени Елены Мухиной

в номинации «И слово отзовется...».

Член Союза молодых писателей Карелии.

Живет в Петрозаводске.

